(cc) BY

Горохов Владимир Фадеевич

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНОГО СОВЕТСКОГО РЕГИОНА (ИЗ ЛИЧНОГО ОПЫТА МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Ключевые слова*: коммуникации, мультикультурность, общество, культура, старообрядчество.*

В работе рассматриваются исторические аспекты функционирования мультикультурного общества на примере отдельного советского региона, ранее называемого Бессарабией. Автор сам был активным участником мультикультурных событий, происходивших там в 50–70 гг. XX в. Представленный в работе материал можно рассматривать в качестве первоисточника, добытого методом включённого наблюдения и аналитического обобщения. Автор тем самым реализует первую рефлексию культурологии.

Keywords*: communications, multiculturalism, society, culture, old believers.*

The research deals with the historical aspects of the multicultural society, the example of a single Soviet region, formerly known as Bessarabia. The author was an active member of multicultural events that took place there in 50–70 years of the XX century. Introduced material can be considered as the primary source, produced by the method of participant observation and analytical generalization. Author implemens the first reflection on cultural studies.

Автор данной работы – ныне культуролог и социолог, работающий в НИЯУ МИФИ, имеет большой личный опыт мультикультурной коммуникации, которому может позавидовать любой канадец, американец, австралиец или француз. Можно выделить несколько этапов приобретения подобного опыта. 1. Ранний опыт, приобретённый в детстве и юности. 2. Этап армейской мультикультурной коммуникации. 3. Студенческие годы. 4. Опыт мультикультурности, связанный с профессиональной деятельностью в качестве преподавателя в «Национальном исследовательском ядерном университете «МИФИ». Разумеется, в небольшой научной работе невозможно проанализировать все этапы и многие нюансы

накопленного опыта. Для этого, пожалуй, пришлось бы написать отдельную объёмную монографию. А посему сосредоточимся на раннем этапе, ибо он во многих отношениях интересен, показателен и весьма поучителен, особенно для нашего сложного времени. Именно такова цель данной работы.

Итак, первый опыт мультикультурного взаимодействия был приобретён нами в детстве и годы юности, в 50–70-е годы прошлого века. Село, в котором родился автор, располагалось в регионе, который называли Северной Бессарабией, ныне Черновицкая область Украины. Это был настоящий мультикультурный регион. Село основано мигрировавшими из России старообрядцами, более 200 лет назад. Несколько позже к ним присоединились украинцы. Со временем их стало даже больше, нежели русских. Рядом (в 13–25 км) образовалось ещё несколько русских старообрядческих селений. На расстоянии 15 километров находилась Молдавия. В районном и областном центрах проживало большое количество евреев. Встречались семьи румын и поляков. Неизменным «украшением» местности являлся шумный многочисленный цыганский табор. О нём в своё время искусно писал А.С. Пушкин:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют…

Со времён великого поэта мало что изменилось. Такой же табор, почти такие же шатры. Такая же ночёвка. Не обязательно над рекой, но можно и рядом с селом. Не исключено временное пребывание даже внутри села, на какой-нибудь толоке.

Правда, в описываемое время некоторые цыгане уже вели оседлый образ жизни и постоянно проживали в селениях этого региона, занимаясь преимущественно кузнечным делом. Женщины-цыганки промышляли извечным ремеслом – приторговывали дефицитными или запрещёнными товарами, гадали, подворовывали. Можно сказать, что Северная Бессарабия была пёстрым сосредоточием различных этносов и их культур, своего рода социальной площадкой

советского (а ранее румынского и российского) мультикультурализма. Во дворах, на улицах, в школах, в церквах, в клубах, домах культуры, на автобусных остановках, на рынках и площадях, на стадионах и спортивных площадках звучала русская, украинская, молдавская, еврейская, румынская, польская и цыганская речь. Звучало множество местных диалектов, существенно отличавшихся друг от друга. Скажем, даже в разговорной речи старообрядцев из таких селений как Белоусовка, Грубное и Сокиряны имелись немалые различия. Речь сокирянских жителей была ближе к русской литературной речи, но более протяжная. Белоусовские старообрядцы говорят кратко, но громче. В их лексиконе встречается немало украинских слов. Жители села Грубное говорят очень протяжно, едва ли не на распев. Их речь, особенно в устах женщин, напоминает речитатив. Во многих словах вместо звука «а», употребляют «ы». Например, не залётные, а «зылётные». Между прочим, за ними закрепилась негласная кличка «зылётные». Так их, шутя, величали жители других сёл.

Вокруг (и в сёлах и в районном и областном центрах) пестрили разные национальные одежды, национальная обувь, утварь; существенно отличался внешний облик индивидов, проживавших в этом регионе. Даже дома, сараи, заборы, бани и те, казалось, являлись показателями мультикультурности. Своим внешним и внутренним видом они существенно разнились друг от друга. Этому региону была присуща поликонфессиональность. Тут проживали православные московского патриархата, старообрядцы, католики, греко-католики, протестанты, иудеи, различного рода сектанты. Религиозные секты имелись фактически в каждом селении. В иных сёлах их было по нескольку. Всё это неизменно носило яркие культурно-этнические оттенки. Казалось, такое многообразие располагает к закрытости, замкнутости, даже некоторому изоляционизму. Но ничего подобного не происходило. Бросались в глаза регулярные активные коммуникация между представителями разных этносов и религий. У пожилых людей они осуществлялись, прежде всего, посредством активных соседских отношений, хозяйственных связей, стариковских встреч, вечерних бесед на лавочках, застолий, чаепитий, обыденных разговоров, обменов устной информацией.

У женщин имелись свои специфические формы взаимодействий и уз культурного обмена. Продолжительными зимними вечерами они собирались у одинокой вдовы (таковых в селе было несколько) и дружно пряли пряжу, иногда что-то шили. Помимо русских женщин завсегдатаями таких мероприятий являлись украинки и молдаванки. Никто никого не спрашивал об их этнической, религиозной или языковой принадлежности. Хотя, конечно же, интересующиеся особы знали, кто есть кто. Могли об этом порассуждать в «своём» узком кругу. Женщины дружно работали, обменивались знаниями, опытом, рассуждали о местной моде, демонстрировали наряды. Они поучали друг дружку как прясть лучше, быстрее, красивее. При этом шутили, рассказывали различные байки, пели песни, вспоминали о молодых годах и любовных делах, грустили о прошлом. Часто чаевали, а порой баловались домашним вином, различного рода самодельными ягодными наливками. Атмосфера такого общения была открытой, искренней, радостной. Порой стоял такой шум, что женщины не слышали одна другую. Все желали высказаться, поделиться, как им казалось ценной информацией, личным опытом.

Прекрасно помню, как моя двоюродная сестра, желая поделиться воспоминаниями о своих юных годах, заорала на весь дом: «Тихо, девки! Дайте мне высказаться. Такого больше нигде не почуете!» И тут же, начала повествовать о том, как за ней когда-то ухаживал местный «олигарх». Рассказывала страстно, сочно, интересно, в красочных тонах и подробностях. Все присутствующие женщины затаённо слушали, а в завершение рассказа хохотали до слёз. Потом, вдруг дружно запели русскую любовную песню. Песню грустную, весьма продолжительную. О том, как милёнок её любил, а женился на другой, да ещё на чужой. У некоторых женщин появились нежные слёзы грусти на глазах. Похоже, они вспомнили о своих девичьих грёзах. Ведь многие из них выходили замуж не по любви, а по необходимости, по уговору родителей. Вслед за этой, прозвучала украинская народная песня о том, как мать запрещала девушке встречаться с солдатом. И не просто запрещала, но жестоко била её за это прутьями. Но разве влюблённость можно чем-либо выбить из страстной и непокорной души?

Напрасная трата сил. Потом собравшиеся спели молдавскую песню о любви юной девушки к женатому мужчине. Потом пели ещё долго-долго. Такие встречи, а старообрядческие женщины их называли *посиделками,* давала хороший эмоциональный заряд как минимум на неделю. Многие женщины брали с собой малолетних детей, которые уединялись в другой комнате и строили собственные (детские) мультикультурные отношения, посредством игр, забав, различных выдумок и поедания огромного количества сладостей. Автор этих строк многократно был участником подобных мероприятий и вспоминает о них, как о «золотом веке» собственной детской жизни. Сейчас, вначале XXI века, всё это напоминает прелестную мифическую древность, оставшуюся только в нежных воспоминаниях.

Люди среднего возраста, главным образом мужчины, общались в процессе производства, строительства домов, сараев, подвалов. Подобное также происходило на рынках, в магазинах, в пивных, в столовых, на свадьбах. Конечно, не исключались соседские застолья, беседы, клаки, а также многое из того, что присуще старикам.

Молодёжь, являлась той категорий местного населения, которая активно преодолевала все этнокультурные препятствия (языковые, бытовые, религиозные, особенно любовные) и осуществляла тотальную коммуникацию. В школах, в клубах, на танцах, на спортивных соревнованиях, вечерах отдыха, народных играх, на рыбалке. Главным средством коммуникации являлся русский язык. Однако к нему прибегали не в каждом случае. Часто общались на родном языке. Русские меж собой общались на русском языке, украинцы – на украинском языке, молдоване – на молдавском языке. Евреи между собой общались на родном языке, а с другими – на русском, некоторые, изредка на украинском. Старшее поколение людей владело необходимым минимумом слов из нескольких языков. Вся молодёжь хорошо владела русским языком, хотя большинство парней и девушек, разговаривали на родном языке. Несмотря на многообразие языков, звучавших в этом регионе, непреодолимых барьеров в процессе языковой

коммуникации не было. Порой можно было слышать смешанную русско-украинскую, русско-молдавскую, русско-цыганскую, или украинско-молдавскую речь. За многие годы языковой коммуникации между старообрядцами и местными украинцами произошло частичное смешение русского и украинского языков. Русские стали называть арбуз кавуном, а украинцы, наоборот, слово арбуз, немного изменив звучание, включили в собственный лексикон – «гарбуз». Русские же словом «гарбуз» называли тыкву. Крыжовник русские стали называть агрусом, а украинцы, наоборот, стали использовать термин крыжовник. Русские стали называть сарай хлевом, а украинцы, наоборот – сараем. Вместо исконно русского «слышишь», старообрядцы стали употреблять украинское «чуешь», точнее «чуишь». Вместо русского «куда?», украинское «куды?» Таких примеров можно обнаружить множество. В местный русский диалект вошли и слова румынско-молдавского лексикона – мамалыга, папушой, каруца и пр.

Примечательно то, что между участниками коммуникаций не наблюдалось сколь-нибудь заметных межэтнических или межрелигиозных напряжений, не говоря уже о конфликтах. Не просматривалось грубого или пренебрежительного отношения в процессе общения и взаимодействия ни у одной из сторон по отношению к другой. Фигурировали открытость, доброжелательность, доверие, любознательность, основательность. По всему ощущалось, что доминирует интерес к «другим» и «другому», особенно в религиозной и хозяйственной сферах. Причём интерес неподдельный, не фиктивный, а житейский, реальный. В ходе общения женщины, принадлежавшие к различным этносам и конфессиям, стремились заимствовать секреты кухни, консервирования овощей и фруктов, пошива одежды, стирки белья, посадки овощных культур, воспитания детей. Вспоминается, как мать, на вышеупомянутых посиделках, учила украинок и молдаванок варить настоящий русский борщ, тушить в русской печи карасей, делать домашнюю колбасу, варить варенье из белой черешни и печь вкусный хлеб. Молдавские дамы научили наших женщин, как варить мамалыгу, солить и жарить брынзу, тушить перец. Украинки делились секретами приготовления украин-

ского борща, сметаны, кисляка, вареников с творогом, соления свинины. А старая еврейка раскрыла всем секрет приготовления «курицы по-еврейски». «Вот это настоящая курица, – говорила она с явным еврейским акцентом, – а не такая, какую поедаете вы!» Причём, многое из вышеотмеченного, осуществлялось тут же, на месте – экспериментальным путём, с последующим поеданием. Можно себе представить подобное мультикультурное удовольствие. В домах, где происходили подобные мероприятия, стоял шум, гам, слышался детский крик. Сидевшие дома мужья и старшие дети недовольно ворчали, когда им, об этом рассказывали жёны и младшие дети вернувшись домой.

Впрочем, у мужчин были свои радости и секреты общения. Мужской мультикультурализм, пожалуй, выглядел более многообразно. Представители сильного пола (а некоторые мужи-старообрядцы предпочитали говорить «умного пола»), обменивались нюансами строительства и обустройства домов, подвалов и сараев, посадки высококачественных сортов деревьев и ягодных кустов, выращивания скота и птицы, производства вина и самогона, эффективности работы домашней техники. Молдаване учили русских, как делать хорошее вино, а русские учили их классическому самогоноварению. У молдаван высокоразвитым являлось садоводство, виноградарство и бахчеводство, а у старообрядцев – животноводство и птицеводство. Особый интерес у русских и украинцев вызывало садоводство. Многие из них начали активно усердствовать на этом поприще. И не напрасно. Через несколько лет на земле принадлежавшей этническим русским и украинцам, пышно зацвели яблони, груши, черешни, вишни. Чуть позже начали культивировать клубнику. Доход от продажи фруктов и ягод стал главной статьёй дохода для большинства местных русских старообрядческих семей. Благодаря этому стали строить большие дома, сараи, погреба, высокие заборы, покупать автомобили, дорогую бытовую технику, устраивать пышные свадьбы, проводы в армию, похороны. Можно сказать, что благодаря активным межкультурным коммуникациям активно развивалась материальная культура, качество жизни приобрело совершенно новые очертания. Едва ли не все селяне были довольны условиями жизни.

Специфической, но исключительно значимой формой коммуникации являлась русская баня. О ней можно сочинять повести и романы. С одной стороны она являлась необходимостью цивилизованной жизни, средством гигиены, инструментом укрепления здоровья, а с другой – являлась источником информации, формой общения, отдыха. Баню искренне любили все русские, независимо от пола, возраста, религиозной принадлежности. К ней постепенно приобщались и местные украинцы. В 50–60 гг. баня была редкостью в данной местности. Её не было даже у многих старообрядцев. А посему, родственники, соседи, друзья кооперировались, чтобы её протопить, а соответственно попариться, помыться. Ну и, конечно же, пообщаться. Банные дни приходились на субботы. Парились и в предпраздничные дни. Впрочем, желающие попариться не брезговали любым днём, кроме воскресенья. Попариться приезжали гости даже из соседних селений. Как правило, руководил подготовкой банных мероприятий хозяин бани, а помогали ему (носили дрова, воду) подростки. Делалось это довольно долго, обстоятельно, с наслаждением. Банную утварь, мыла и чистила хозяйка. Впрочем, могли быть иные варианты. Первыми шли париться и мыться мужики. Парились они по нескольку раз. То вместе, то поодиночке. Само собой, разумеется, вели умные беседы на разные темы, вспоминали былое, шутили, иронизировали. Никогда не обходилось без повествования банных историй и приключений минувших лет. Раз за разом выходили в предбанник, «крякали» от удовольствия, сидели на лавочках, дышали свежим воздухом, опять же беседовали. Зимой, для остроты ощущений, парни или подростки могли поваляться в снегу или побегать вокруг бани, а затем, сходу в парную. Кое-кто баловался пивом. Встречались и такие посетители-собанники, которые не брезговали стаканом самогона. А затем снова шли в парную. Не раз бывало, что ожидавшие своего черёда женщины ворчали и эмоционально торопили присутствующих завершать мужскую часть. «Никак не напаритесь, – шумели они, – хоть нам оставьте пару! Хватит вам банствовать!» Пар, конечно же, мужики оставляли, ибо процессом руководил всё тот же хозяин бани, или кто-либо из знающих стариков. Они владели всеми сек-

ретами и тонкостями банного процесса. После мужской смены наступала женская. Женщины парились, мылись и общались ещё дольше, нежели мужчины. Иногда по 2–3 часа. Во всяком случае, до тех пор, пока не остынет баня. Вначале мыли и парили детей, затем передавали их мужчинам, а сами продолжали банное удовольствие. Между прочим, мальчики, возрастом до 5 лет ходили в баню вместе с женщинами. И только повзрослев, став смышлёными, переходили в мужскую категорию. Пока женщины находились в бане, мужчины общались за уже накрытым столом. Затем приходили женщины и организовывали свой стол. Они чаевали едва ли не полуночи. Самовар, кисушки, тарелочки, варенье, повидло, конфеты, булочки, пироги, пряники, не говоря уже о кусковом сахаре, изобиловали стол. Мужчины, как правило, чай не пили. Считали это женской забавой. К тому же, пить чай некоторым мешали бороды. Да и вообще многие мужики чай не почитали за напиток. «Лучше я выпью пару «кварт» воды, – рассуждал отец автора, – чем обжигаться кипятком. Тоже мне нашли удовольствие – чай». Дескать, не мужское это дело чаевать. Правда, к глубокой старости он изменил собственное мнение и любил побаловаться чайком с малиновым вареньем. Вне всякого сомнения, русская баня всем была в радость, являлась своего рода устойчивым очагом местной культуры, средством качественного досуга.

Посещение русской бани, было событием для украинцев и молдаван, особенно, в тех случаях, если оно сопровождалось последующим застольем. Однако застолье не следует рассматривать в качестве абсолютного банного атрибута. Бывало, что парились и мылись очень быстро. Однако находились и такие люди, которые баньки по-чёрному побаивались и предпочитали ей тазик и корыто, наполненные тёплой водой. Таковым был сосед моего деда. Этнический украинец, инвалид Великой Отечественной войны, орденоносец, он умудрился до 70-летниго возраста, избежать посещения русской бани. Как его не агитировали, не соблазняли баней, последующим застольем, он не поддавался на уговоры. «Ещё сожжёте меня», – шутя, отговаривался он. Правда, к застолью довольно часто приходил. Разговоры о бане любил, но саму её избегал.

Почти у всех взаимодействующих людей, проживающих в данной местности, просматривалось искреннее желание научиться чему-то новому, полезному, эффективному, результативному. А главное – у многих имелось искреннее желание завязать дружеские или приятельские связи. Хотя, конечно, встречались и люди скрытные, замкнутые, которые редко покидали пределы собственного двора. Но таковые ведь живут во все времена, чего сетовать на них.

Встречались среди местных жителей и учёные-самоучки, мудрецы-самородки, носители и хранители основательных знаний. Один из них дед Василий, двоюродный брат моего деда. Он был образованнейшим человеком, добротно знал несколько языков. В течение многих лет активно изучал и обобщал секреты ведения сельского хозяйства, строительства, культуры быта, досуга, народного врачевания. Всё тщательно записывал, уточнял, корректировал. Интересовался философией, искусством, спортом, международными делами. К нему приезжали из многих селений за умным советом, за дельной рекомендацией, хотя некоторые из местных мужиков-старообрядцев насмехались над его увлечениями, дескать, чудак-старик. Работать не хочет, поэтому мудрствует. Когда автор данной работы стал студентом философского факультета, дед Василий, однажды во время каникул, пригласил меня к себе в гости. Протопил баньку, накрыл по сельским меркам щедрый стол. Несколько раз попарились, помылись, выпили по рюмке-другой его фирменного напитка, закусили, долго беседовали на разные темы. Создавалось впечатление, что дед Василий испытывал студента-философа на прочность и изощрённость ума. В его хитрых прищуренных глазах буквально читалось следующее: «Как это ты, сын неграмотных родителей и брат троих трактористов сумел поступить в столичный университет?» Немного подвыпив, дед разошёлся вовсю. Он задавал собеседнику один за другим коварнейшие вопросы. Вплоть до того, чем отличается диалектика К. Маркса от диалектики Гегеля. Если бы наш разговор послушал кто-нибудь из простых крестьян, то видимо подумал бы, что беседуют либо пьяные, либо сумасшедшие люди. Затем вошли в его дом. То, что я там увидел, поразило меня. В доме красовался идеальный порядок, а ведь дед жил один. На мой комплимент о порядке в его хозяйстве, он

ответил едва ли не по-Булгаковски – если в голове порядок, то будет порядок и в доме. Имелась, приличная библиотека; среди книг обнаружились тома Гегеля, Маркса и Спинозы. Я не выдержал и возмутился: «Дед, зачем тебе «Наука логики» Гегеля? Ты что в ней смыслишь?» Он спокойно посмотрел на меня сквозь очки и учтиво ответил: «Да, я не обучался на философском факультете, но Гегеля тоже пролистываю. Признаюсь, мало что понимаю из прочитанного. Но одно его присутствие в доме делает мою жизнь солиднее, увереннее и спокойнее». Когда мы вошли в другую комнату я поразился ещё больше. Там лежали подшивки многих газет. Дед Василий выписывал «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», «Советскую Россию», «Правду Украины», «Красную звезду». Моё возмущение возросло. «Зачем тебе столько газет?! – воскликнул я. – Ведь в них пишут одно и то же!» Дед загадочно улыбнулся, поднял высоко брови и снисходительно ответил: «Сразу видно, что ты ещё молодой. Всех тонкостей жизни не понимаешь. Вот слушай – из «Правды» я узнаю о курсе партии и правительства. Из «Известий» я узнаю о курсах валют, о том, что подорожает, а что подешевеет. Из «Красной звезды» узнаю о делах армейских, о командующих округами, о министрах обороны различных стран, а также о возможных военных конфликтах». Я громко рассмеялся, особенно по поводу курса валют и министров обороны. Но хозяин дома убедил меня в том, что образованный человек должен знать очень многое. «А что касается курса валют, – заявил, шутя он, – то я слежу за тем, чтобы не обесценился мой доллар и другие валюты». Тут же старик достал из-за иконы канадский доллар выпуска 1928 года и гордо показал его мне. Оказалось, что у него сохранилось немало царских купюр, керенок, польских злотых, румынских леев, немецких и австрийских марок. Держал их, как он выразился, ради познавательного интереса и на всякий случай. Какой именно случай, он не уточнил. По селу упорно ходили слухи, что у него имеется немало золота. Однако его мне он не показал, и даже ни словом не обмолвился о его наличии в доме.

Рядом с газетами лежали большие общие тетради, в которых были записаны многолетние наблюдения за погодой и обрисованы тонкости хозяйствования.

Дедова статистика давала ответы на такие вопросы, как: во что обходится крестьянину вскормить курицу, утку, гуся, кабанчика, бычка. От чего можно получить больший доход – от выращивания яблок, груш или слив. Стоит ли выращивать свёклу, лук и картофель на огороде. Что, в какой местности выгоднее сажать, когда и как это следует делать. Какие сорта предпочтительнее для данной местности. Короче говоря, дед Василий был носителем высокой сельской культуры, как духовной, так и материальной. Он являлся человеком, готовым поделиться своими знаниями и наблюдениями с любым добродетельным собеседником. Но бездельников и пьяниц не любил. Он являлся исключительно коммуникабельной высокоинтеллигентной личностью, интернационалистом, уважительно относившимся к представителю любого этноса и любой религии. Хотя сам, скорее был атеистом, нежели старообрядцем. Во всяком случае, в нём органично уживалось всё. Между прочим, его родной брат был местным старообрядческим священником и весьма иронично и утончённо критиковал его. Но дед Василий не обращал на подобные действия никакого внимания.

Разумеется, в процессе коммуникации между представителями разных этносов и конфессий имелись и проявления скрытости, сдержанности, осторожности, и, даже некоторой боязни «чужаков». Не исключались дискуссии, споры, столкновение различных точек зрения. И довольно часто они происходили. Но они были вполне корректными, толерантными. Чаще всего стороны не могли переубедить друг друга в собственной правоте, и оставались при своём мнении. Автор вспоминает, как наши соседи, перешедшие из старообрядчества в секту «субботников», около десяти лет убеждали моих родителей сделать то же самое. Не единожды к нам во двор заходил и предводитель местной секты дед Леонтий (так его называли местные жители). И он, и упомянутые выше соседи пели дифирамбы о достоинствах, святости и прелестях жизни сектантов. Говорили о том, насколько они дружны, честны, духовно богаты, бескорыстны, не пьющие и пр. Главное – как искренне они любят Бога, и как преданно ему служат. Родители всегда с интересом слушали подобные рассказы. Они пытались понять

смысл и суть сектантской веры и жизни. Но судя по всему не нашли в ней больших достоинств, чем в Православии. Сектанты не смогли поколебать веру моих родителей и многих других старообрядцев. Отец и мать сдержанно отвечали, что предавать Веру и Христа они не намерены. «Вам хорошо там, а нам – хорошо здесь, с верой наших предков» – отвечала им мать. «Стоило нашим предкам, ради истинных христианских идеалов покидать центр России, чтобы здесь, в Бессарабии, податься в сектанты!» – возмущался отец.

Тем не менее, русские старообрядческие общины, бывшие длительное время совершенно закрытыми для чужаков, теперь (в 50–60-е гг.) под напором мультикультурных тенденций приоткрылись. Старообрядческая жизнь стала во всех отношениях коммуникабельной. Обстоятельства жизни существенно изменились. Причём изменилась основательно, даже радикально. Местный регион, существовавший в условиях традиционного (аграрного) общества стал переходить на рельсы индустриализма. Появились автомобили, трактора, комбайны, автобусы, поезда, МТС, пилорамы, новые мельницы. Из районного центра в областной, и обратно, регулярно летал АН-2. Самолётами (кукурузниками) удобрялись поля. Строились современные дороги. Очень быстро местность радиофицировали, электрифицировали и газифицировали. Появилось телевидение. Молодёжь пошла в советскую (украинскую) школу. Несколькими годами ранее парни воевали в рядах Красной армии с фашистами. Теперь, ребята призывного возраста шли служить в вооружённых силах СССР. Причём делали это с превеликим удовольствием. Автор прекрасно помнит, как горевал старший брат, которого не призвали в солдаты из-за плоскостопья. Он трижды пытался провести медицинскую комиссию, чтобы послужить Отечеству. Но в конечном итоге обман обнаруживался. И он остался не служившим. Советская армия пользовалась у всех огромным авторитетом. Девушки не уважали тех парней, которые не прошли армейского горнила. Все рассматривали армию, как замечательное средство социализации и коммуникации. Поколение автора стало пионерами, а затем более половины старообрядческих парней и девушек вступили в комсомол. Жизнь стала ещё более активной, интересной и коммуникабельной. Старые деды и

бабки по этому поводу, сидя на скамейках, охали да ахали. Дед Пётр, отчим матери, многократно повторял: «Босяки, во босяки! Забыли про Бога. Нужен им этот комсомол!? Воздастся вам за всё!» Родители в этой связи не обмолвились ни словом. Они считали, что дети сами должны решать подобного рода вопросы.

В эти годы (50 – нач. 60 гг.) стало негласной нормой, в соответствии с которой русские девушки встречаются с украинскими и молдавскими парнями. А наши парни, наоборот, строили отношения с украинками и молдаванками. Русские девушки стали активно выходить замуж за украинцев и молдаван. Все четыре племянницы автора вышли замуж за украинских парней, а племянники (их тоже четверо), женилось на украинках. Семь двоюродных сестёр вышли замуж за украинцев и молдаван. Трое двоюродных братьев поступили аналогичным образом. И только один двоюродный брат и две двоюродных сестры выбрали супругов из своей старообрядческой среды. Многие семьи, таким образом, стали мультикультурными, интернациональными. Начался синтез культур на уровне семьи. Вырабатывались новые специфические коммуникативные нормы (языковые, религиозные, бытовые, поведенческие, образовательные, любовно-сексуальные и др.) Украинцы и молдаване, ставшие мужьями русских женщин, начали посещать старообрядческую церковь и регулярно говорить по-русски. Правда и некоторые русские женщины стали посещать украинскую православную церковь и разговаривать дома на украинском языке. Фактически зарождалась новая смешанная культура (мультикультура). Её убедительным примером является свадьба.

К примеру, русская старообрядческая свадьба (воистину шедевр традиционной русской культуры) стала трансформироваться в нечто среднее между нею, украинской и молдавской местной свадьбой. Свадьба, кстати, это очень важно отметить, являлась одной из самых заметных, ярких и эмоциональных форм межкультурной коммуникации. Она объединяла, сближала и роднила самых разных людей. На неё приглашались не только родственники жениха и невесты, но и соседи, коллеги по работе, друзья, уважаемые в селе люди, местное руководство.

Приглашение на свадьбу рассматривалось как дело чести, как свидетельство уважения к приглашённому человеку и его семье. Было немало обид и даже ссор на этой почве, если человека, по каким-то причинам или даже ошибочно не пригласили на свадебные празднества.

Существенно поменялись содержание и структура свадьбы. В первый день свадьбы перестала звучать русская гармонь, как это было в прежние времена. Зато под влиянием молдавской культуры, появился мощный духовой оркестр. Но на второй и третий день свадьбы уже играла гармонь. Исчезли заручины, как важная часть предсвадебных мероприятий. Перестали перевозить приданое из дома невесты в дом жениха, накануне свадьбы. Перестали петь многие свадебные песни, которые исполнялись когда-то. Вообще следует заметить, что песенная составляющая свадьбы явно уменьшилась. Оно и понятно. Чтобы петь необходимо знание слов, мелодии и наличие хорошего голоса. Требовалась стабильная кампания поющих девушек и парней. Тем не менее, и теперь, от души распевали популярные русские и украинские песни; сообща пили спиртное, вкушали разные блюда, делились новостями и воспоминаниями. Произносили тосты, шутили, дарили молодожёнам деньги и оригинальные подарки. Теперь на свадьбах появился ведущий (тамада), благодаря чему свадьба приобрела более организованный характер. Раньше она шла самотёком. Родственники жениха периодически приглашали гостей пить, есть, веселиться. Звучало стихийное «горько!» Теперь же, тамада, направлял ход свадьбы в организованное русло, предоставлял слово для поздравления всем желающим, а иногда и нежелающим или стесняющимся говорить Он часто шутил, чтобы поднять всем настроение, знакомил гостей с родственниками молодожёнов. Иначе говоря, теперь свадьба протекала целенаправленно и организованно. Автору этих строк в сентябре 1979 года довелось «управлять» свадьбой племянника. Свадьбой воистину грандиозной. Было приглашено 1500 человек. Пришли, что называется сверх того человек 100. Потом выяснили, что это те люди, которые сочли, что они обязаны участвовать в свадебных торжествах. Попали на свадьбу и гости гостей. К тому же, накануне свадьбы, жених во всеуслышание заявил: «Пусть приходят все, кто пожелают».

И народ с радостью пришёл. Время то было золотое. Жили в радости и достатке. Но всем хотелось ещё чего-то, более значимого и знакового. Среди гостей были русские, украинцы, молдоване, татары, евреи, поляки, гагаузы, немцы и бог весть ещё кто. Ведь о национальной принадлежности их не спрашивали, и в паспорта не заглядывали. Поздравляли молодожёнов и родителей на всех местных языках. Специально для свадьбы соорудили балаган, электрифицировали и радиофицировали его. К свадебному застолью приготовили 33 вкусных блюда. Кухня изобиловала русскими, украинскими и молдавскими яствами. Помогали готовиться к свадьбе более 60 человек. На мой вопрос, во что обошлась свадьба, сестра весело ответила: «Целое состояние. Но мы не жалеем. Сын у нас один, да и мы не бедные. Пусть люди помнят о свадьбе нашего «маршала Якубовского». И действительно, об этой свадьбе многие помнят до сих пор, хотя, к сожалению, нет уже в живых ни женившегося тогда племянника Сергея, ни его родителей. Такие грандиозные события местной культуры надолго остаются в человеческой памяти.

На свадьбах иногда, по-пьяному дрались. Что это за свадьба без драки? Можно шутя сказать, что драка – это специфическая форма коммуникации, характерная для русской свадьбы. Но подтекст самой драки, не был связан с этническим или религиозным фактором. Он являлся, как правило, чисто бытовым. Кто-то у кого-то увёл девушку, или случайно задел локтём, перевернул на костюм салат, не так посмотрел, или не то сказал. Вспомнились старые обиды. Не более того. Случившееся недоразумение быстро забывали, тут же, распивали мировую. Зато явно увеличилась доля музыкальной части свадьбы. Едва ли не всё время (за исключением редких перерывов) играл оркестр. Играли русские, украинские и зажигательные молдавские мелодии.

Особенная свадебная статья – танцы. И не только свадебная, но и, пожалуй, общекультурная, коммуникативная. Танцы составляли особую сферу духовной жизни 50–70гг. в Бессарабии. Они являлись завершающей частью едва ли не всех проводимых мероприятий. Танцы могли состояться после колхозного собрания,

праздничного вечера, кино, проводов в армию, по случаю светских и религиозных праздников. И даже вечером в будний день. Инициативная группа молодёжи писала объявление и многие парни и девушки, после напряжённого трудового дня, приходили в местный клуб потанцевать, пообщаться.

Но на свадьбе, танцы являлись пиком развлечений. Говоря ницшеанской терминологией – это была дионисийская составляющая свадьбы. Тосты, беседы и песни олицетворяли аполлоновское начало, а танцы олицетворяли дионисийскую стихию. После длительного насыщения пищей и спиртным, а также умными, поучительными разговорами, участники свадьбы, вставали из-за стола и с удовольствие пускались в пляс. Звучали «Калинка», «Гопак», «Молдовеняска». Особой популярностью пользовались вальсы, танго, польки. Танцевали, что называется «до упаду». Многие танцующие были мокрыми от пота. Но безмерно довольными и счастливыми. Интересно то, что ко времени начала танцев, сюда сходилось едва ли не всё село. Танцы рассматривались как общее дело, а не только удел участников свадьбы. Иногда приезжали парни, и девушки с соседних сёл, дабы тоже потанцевать, с кем-то познакомиться, показать себя, пообщаться. Танец – это вообще одна из важнейших активных и эффективных форм коммуникации на селе, особенно молодёжной. Во время танцев завязывались знакомства с парнями и девушками, вспыхивали любовные чувства. Танцующие делились новостями, обсуждали события. Танец снимал скованность, напряжение, позволял преодолевать нерешительность. Мужчинам позволялось крепко обнять партнёршу, закружить её в вальсе, даже взять на руки и поцеловать. Свадьба, словно бы священник, прощала все грехи. И зримые и не зримые. Посмотреть на танцы приходили местные старухи. Они желали знать, как и с кем танцуют их внуки и правнуки, как одета молодёжь, кто за кем ухаживает. Для пожилых женщин это тоже важная форма коммуникации. Есть повод встретиться, поговорить, порассуждать, посудачить, порадоваться или огорчиться увиденному и услышанному здесь. В селе имелся умный, образованный парень, который единственный из мужчин, умел кружить партнёрш в обе стороны. Танцевать с

ним считала за честь и счастье любая девушка. Когда он шёл приглашать очередную партнёршу, у юных красавиц широко открывались глаза и полыхали яркими красками щёки. «Меня, или нет?» – гадали они. А многие зрители, смотрящие на танцы в его исполнении, показывали большой палец, причмокивали губами, восхищались его мастерством и тайком завидовали ему.

На свадьбе танцевали все. Даже те, кто совершенно не умели танцевать. Главное передвигать ногами, не стоять на месте. А уж как получается, так получается. Ведь это не просто свадьба, но всеобщее веселье. Здесь почти всё и всем прощается. Хотя, конечно, тем, кому положено судачить, доводить информацию до общественности, всё видят и запоминают, а потом подвергают неумельцев явной или тайной критике. Но об этом во время свадьбы мало кто печётся. Между прочим, и русские и украинцы, называли местную свадьбу весельем. Точнее – у старообрядцев это слово звучало как «виселье», а у местных украинцев – «весілля». Термин «свадьба» употреблялся крайне редко.

Теперь, от весёлых и радостных коммуникаций перейдём к коммуникациям грустным и печальным. Одной из таких утончённых форм межкультурной коммуникации у старообрядцев, да и украинцев тоже, были похороны. Конечно, смерть человека есть большое горе для родственников и друзей. И это горе в некоторой степени утоляли в пышных похоронах. Этим самым воздавали должное покойному, его прижизненным заслугам, и подчёркивали значимость статуса живых родственников. На похороны приглашалось большое количество народа. Все родственники, соседи, друзья, коллеги по работе, бедные по местным меркам люди. На похороны приходили старики и старухи, которые вообще больше нигде в последнее время не появлялись. О некоторых из них многие уже и не помнили. Отдельных стариков упомянутых здесь, привозили в колясках. Все они считали своим долгом проститься с ушедшим в мир иной земляком. В день похорон умершего относили в церковь, проводили отпевание. Затем большая процессия с церковными песнопениями следовала на кладбище. По пути несколько раз останавливались. Прежде всего, у дома усопшего, возле домов его детей и внуков. На кладбище продолжались обрядовые действия. После чего умершего опускали в

могилу. Все участники похорон возвращались к дому покойного. Здесь уже были богато накрытые столы. Начинались поминки. Старообрядцы спиртное на стол не ставили. Но любой желающий мог зайти на кухню и там, негласно, принять стакан-другой самогона, водки или вина. Почти все мужчины, включая священника, по очереди заходили сюда и «заправлялись». Заходили и некоторые женщины. Если событие происходило холодной зимой, то выпивали почти все. После молитвы начинался поминальный обед. За столом вспоминали покойника, говорили о его добрых делах и поступках, о его хозяйстве, родителях, детях, внуках, вспоминали юные и молодые годы. Вообще коммуникации на похоронах имели специфическую направленность. Разговоры вращались вокруг проблемы жизни и смерти, добра и зла, церкви и кладбища, памяти о давно и недавно умерших земляках. Конечно, затрагивались вопросы хозяйствования, урожая, погоды. Но, в основном это были разговоры нравственного характера. На поминки зазывали даже тех, кто не был на похоронах, но случайно проходил или проезжал рядом с домом умершего человека. После поминок, и завершающей молитвы, а иногда и во время поминок, всем, кто присутствовал здесь, в память об умершем, и в знак благодарности за участие в похоронах, раздавали деньги. Деньги по тем временам не малые. В 1985 году, после похорон матери, автор лично занимался этим вопросом. Традиционно священнику давали 150 рублей. Тем, кто читал священные тексты у изголовья покойника (ещё до похорон) давали по 50 рублей. Дьяку и пономарю по 25 рублей. Тем, кто копал могилу, нёс гроб и закапывал покойного по 25 рублей. Этим людям вручали ещё покрывала, рубашки или полотенца. Близким родственникам вручали от 10 до 25 рублей. Чужим мужчинам по 5 рублей, женщинам – по 3 рубля. Женщинам, которые готовили поминальный обед от 10 до 25 рублей. Названные цифры, в зависимости от ситуации, могли меняться в любую сторону. Короче говоря, похороны умершего человека обходились родственникам в колоссальную сумму. В случае с матерью похоронная сумма составила 5000 рублей. Это фактическая стоимость хорошего автомобиля или однокомнатной кооперативной квартиры в Москве. Автор в течение 20 лет предпринимал шаги, чтобы отменить (упразднить) этот обычай. Беседовал

со священниками, дьяками, пономарями, церковным активом старообрядческой общины. Ссылался на то, что многим людям это слишком накладно, некоторым вообще не по карману, да и не способствует он укреплению веры. Но все собеседники либо уклонялись от обсуждения сложного вопроса, либо кратко отвечали – не нами придумано, не нам и отменять. Между прочим, никто толком не знал, кем и когда придумано столь обременительное действо. Мало того, что у людей горе, так оно ещё дорого оплачивается. Тем не менее, ещё раз следует подчеркнуть, что похороны выполняли важную коммуникативную миссию среди местного населения.

К сожалению, в силу разных причин, нет возможности детально раскрыть многие другие составляющие мультикультурной коммуникации, с которыми столкнулся автор в детстве и юности, проживая в регионе, называемом Бессарабией. И не просто столкнулся, а реально был включён в неё, жил в ней, был её неотъемлемой активной частью.

Спустя многие годы мы называем этот феномен мультикультурализмом «снизу», процессом, исходящим от простых людей. Можно ещё назвать это естественной мультикультурностью. Конечно, имел место и политический мультикультурализм, регулируемый сверху, исходящий от советского государства и КПСС. Он проявлялся в различных сторонах жизни – школьном образовании, пионерских, комсомольских и партийных мероприятиях, трудовой деятельности колхозов и местных промышленных предприятий, идеологическом и политическом просвещении, выработке новых обрядов и многом другом. Политический мультикультурализм удачно дополнял естественный мультикультурализм, создавая для него приемлемое социальное пространство. Формировалось новое многокультурное сообщество людей, ощущавших себя свободными, равными с другими, уверенными в завтрашнем дне, гордыми за свою страну, уважительно относящихся к представителям иной культуры. Именно такими были и остаются ныне убеждения, и ощущения автора о том времени.

Список литературы

1. Горохов В.Ф. Основы культурологии: Учебное пособие. – М., 2015.

2. Горохов В.Ф. Социология: Учебное пособие. – В 2-х частях. – М., 2008.

3. Горохов В.Ф. Культурология: Учебное пособие. – М., 2007.

4. Горохов В.Ф. Проблема поликультурного воспитания студентов в курсе «Культурология» // Воспитание и обучение: теория, методика и практика: Материалы V Междунар. науч. – практ. конф. (Чебоксары, 2015 г.). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015.

Горохов Владимир Фадеевич – канд. филос. наук, доцент ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия, Москва.